

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии

Ирина Звягельская, Василий Кузнецов,
Виталий Наумкин

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-72-2

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Ирина Доновна Звягельская

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, профессор Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, профессор Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Василий Александрович Кузнецов

Кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, доцент Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Виталий Вячеславович Наумкин

Руководитель авторского коллектива, доктор исторических наук, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук, декан Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), заведующий Кафедрой региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Содержание

- 5 Ритмы Ближнего Востока
- 14 Ближневосточный концерт для России и мира
- 19 Московская симфония

Ближний Восток занимает всё более значимое место в системе международных отношений. По сравнению с периодом холодной войны воздействие происходящих там событий на мировое развитие стало более заметным и более серьёзным по своим последствиям. Впрочем, исходящие из региона дестабилизирующие импульсы, будучи мотивом его выдвижения в центр мировой политики, не были главной причиной этого. Ближний Восток издавна был зоной турбулентности и конфликтогенности, однако генерируемые им вызовы безопасности вряд ли были существенно меньше, чем современные, особенно с учётом появления здесь ядерного оружия.

Нынешняя роль региона продиктована сложным и болезненным периодом складывания нового мирового порядка, преодоления асимметрии, создающей крайне неустойчивый баланс сил в мире. Тезис о возможности сохранения стабильности в мире, управляемым исключительно США, с самого начала был более чем сомнителен, а в дальнейшем не выдержал столкновения с политической практикой. В отсутствии противовеса всегда возникает искушение к более раскованному применению силы и проецированию идеологических и политических схем на те страны и регионы, для которых данная модель никогда не являлась нормативной.

Ближний Восток во всё большей степени испытывает влияние соперничества между ведущими глобальными игроками, которое продуцируется на местные конфликты, затрудняя стабилизацию даже в тех случаях, когда имеются международно признанные планы и подходы к их урегулированию. Примерами могут служить прежде всего конфликт в Сирии и палестинская проблема.

Бурное развитие событий в регионе, внутренняя нестабильность и слабая предсказуемость, разрушение государственности и неадекватные ответы элит на современные вызовы открыли новые возможности для тех государств Ближнего Востока, которые не пострадали от волны революций и решили укрепить свою безопасность за счёт ослабленных и всё более зависимых соседей.

Сила гравитационного притяжения конфликтов затронула не только региональные государства, с самого начала пытавшиеся определиться с союзниками в контексте конфликтного взаимодействия, но и глобальные державы, оказавшиеся напрямую втянутыми в региональные дела из-за военного присутствия, участия в вооружённых действиях и попыток дипломатического влияния на конфликтующие стороны.

Формально использование внерегиональными силами мощного военного ресурса (в Ираке, Сирии) можно объяснить необходимостью разгрома международного терроризма. Он представлял смертельную угрозу не только сильно пошатнувшейся государственности

стран региона, но и всему региональному порядку: сметал границы и институты, совершая идейную подмену и предлагая в качестве рецепта установления справедливости архаичную систему государственности, общественных и семейных отношений, а в качестве метода — кровавую расправу со всеми несогласными.

В более общем плане задача борьбы с международным терроризмом всегда предполагала возможность достаточно широких допущений и трактовок. Хотя, по всеобщему признанию, терроризм — это метод, который использовали различные в идейно-политическом отношении силы (правые, левые, этноконфессионально ориентированные, религиозные и т.п.), отношение к применявшим его организациям всегда было различным в силу того, что они являлись или могли являться ситуативными партнёрами, временными союзниками, полезными игроками в стратегии той и иной державы. Исламское государство (ИГ) и «Аль-Каида»¹ с самого начала вышли за рамки региональной повестки дня, бросив вызов существующим границам и государствам, системе управления и этическим нормам, тем самым став глобальной угрозой, разрушительное воздействие которой практически ни у кого не вызывало сомнений, включая даже те государства, которые на начальных этапах оказывали помощь джихадистскому «франкенштейну».

Однако идея сплочения под лозунгом борьбы с международным терроризмом не могла оказаться долговечной. Подходы к региональным организациям, использующим террористические методы, были различными и диктовались конъюнктурными соображениями, связанными с поддержкой основных игроков в конфликтах. Наиболее отчётливо это проявилось в контексте сирийского противостояния, когда военный разгром ИГ поставил две коалиции — западную и российскую — перед сложным выбором. Одним вариантом оказалось продолжение ограниченного взаимодействия на земле и на дипломатическом поле, другим же — обострение соперничества в условиях сохранения глубоких противоречий в отношении будущего политического устройства, территориальной целостности Сирии, роли отдельных региональных сил и негосударственных акторов со всеми вытекающими отсюда военными и невоенными рисками.

Ближний Восток неоднократно давал примеры того, как политическая безответственность в сочетании с военной бесшабашностью способна породить хаос, которым, вопреки распространённой теории, управлять невозможно. Нынешняя ситуация отличается тем, что в контексте конфликтов было востребовано военное присутствие как России, так и США. Его можно трактовать как взаимное сдерживание, но в современной накалённой обстановке оно не исключает инцидентов, провокаций и применения силы той стороной, которая не готова взвесить все последствия своего шага.

¹ Организации, запрещенные на территории России.

Ритмы Ближнего Востока

При всей драматичности ситуации, сложившейся в некоторых странах Ближнего Востока в 2010-е гг., и неожиданности ходов, предпринятых отдельными игроками в 2017 г., политическое и социально-экономическое развитие региона укладывается в рамки парадигмы, сформировавшейся в предыдущие годы. Региональные процессы стали несколько более прогнозируемыми. Эксперты-аналитики и политические акторы склоняются к тому, что пик трансформации пройден, и нынешние тренды политического, социального и экономического развития определяют региональную картину на следующие годы, если не десятилетия.

Вместе с тем изменение существующей парадигмы нельзя исключить, например, как результат проецирования на Ближний Восток противоречий и конфликтов глобального уровня, прежде всего связанных с всё ухудшающимися отношениями России и ряда западных государств. Но могут быть и внутренние причины перемен. Если государства, успешно справившиеся с вызовами начала 2010-х гг. (Саудовская Аравия, Алжир, Марокко, Египет), не докажут дальнейшую устойчивость к внутренним вызовам и угрозам, не исключена вторая трансформационная волна, отличная от первой, но, вполне возможно, более жёсткая.

Набирающие обороты реформы в Саудовской Аравии, экономические вызовы, стоящие перед Египтом и усугубляемые проблемой водных ресурсов, политический транзит в Алжире, узлы социального напряжения в Марокко — все эти неизбежные обстоятельства, порождённые каждый раз уникальными страновыми условиями, в краткосрочной перспективе повышают политические риски.

Пока, однако, важнейшим фактором и самовосприятия региона, и его восприятия в международной среде остаётся высокая конфликтность. Несмотря на позитивный опыт зон деэскалации в Сирии, многочисленных попыток оживить Схиратские соглашения по Ливии, различных инициатив по Йемену, политическое урегулирование всех трёх конфликтов за последний год существенным образом не продвинулось. Более того, появились признаки того, что и участники противостояний, и внешние акторы, и сами общества адаптируются к ситуации конфликта. «Рутинизация» снижает шансы на урегулирование.

Подобная ситуация заставляет внешних акторов обращать всё большее внимание на проблемы экономической реконструкции трёх указанных стран. Происходит подспудный отход от изначального международного консенсуса о том, что условием программ реконструкции должно стать мирное урегулирование. В тех районах, где удалось достичь снижения уровня насилия, начинается восстановление инфраструктуры *ad hoc* по разным каналам: как «сверху вниз» — через поддержку действующих правительств, так и «снизу вверх» — через работу с местными советами, муниципалитетами, племенными группами, различными негосударственными акторами.

При этом в Сирии и в Йемене, где гуманитарная ситуация особенно сложна, участники конфликтов и некоторые вовлечённые в него внешние силы склонны использовать экономические программы и программы помощи в качестве инструментов борьбы.

Важным фактором укрепления государственности «снизу вверх» становится упрочение гражданского общества в регионе. В Ливии оно является следствием ослабления правительственных институтов и необходимости социально-политической самоорганизации обществ. В Сирии же связано с организациями, действующими среди беженцев, с деятельностью местных советов на освобождённых территориях, а также с активностью различных структур на территориях, контролируемых Дамаском.

Одновременно в относительно благополучных странах рост гражданского общества становится результатом реформ, запущенных правительствами для ответа на вызовы десятилетия. Так, в Марокко число неправительственных организаций (НПО) с 2011 г. выросло почти в два с половиной раза, в Тунисе — более чем в два раза, в Иордании — в полтора раза, в Алжире, хоть и не выросло столь сильно, но и до того было довольно велико. Во всех этих странах, избежавших массового насилия, создающиеся НПО позволяют вовлекать в гражданскую жизнь всё более широкие массы населения. И в этом плане не столь уж важно, пользуются ли они государственной поддержкой, как в Марокко или Алжире, или же получают внешнее финансирование, как в Тунисе.

Подобные изменения, безусловно, позитивны, но таят в себе и некоторые угрозы. В том же Тунисе, как и в Ливане, институты гражданского

общества демонстрируют большую устойчивость и адаптивность к вызовам, нежели государственные, что ведёт к дискредитации последних в глазах не имеющего опыта демократического развития общества и к невозможности установления качественного управления.

Внешнее финансирование НПО грозит импортированием в соответствующие страны повестки, актуальной для стран-доноров, последствия чего неоднозначны. Это может вести как к модернизации общественных отношений, так и рассматриваться традиционными частями обществ как способ навязывания чуждой системы ценностей. Что станет фактором новой конфликтности, ведущей к ухудшению положения дискриминируемых групп.

Наконец, в Сирии, где, несмотря на вооружённый конфликт, правительство не только сохранило все основные институты исполнительной власти, но и продолжает расширять контролируемые территории, столкновение между ним и возникшими «снизу» институтами управления оказывается практически неизбежным.

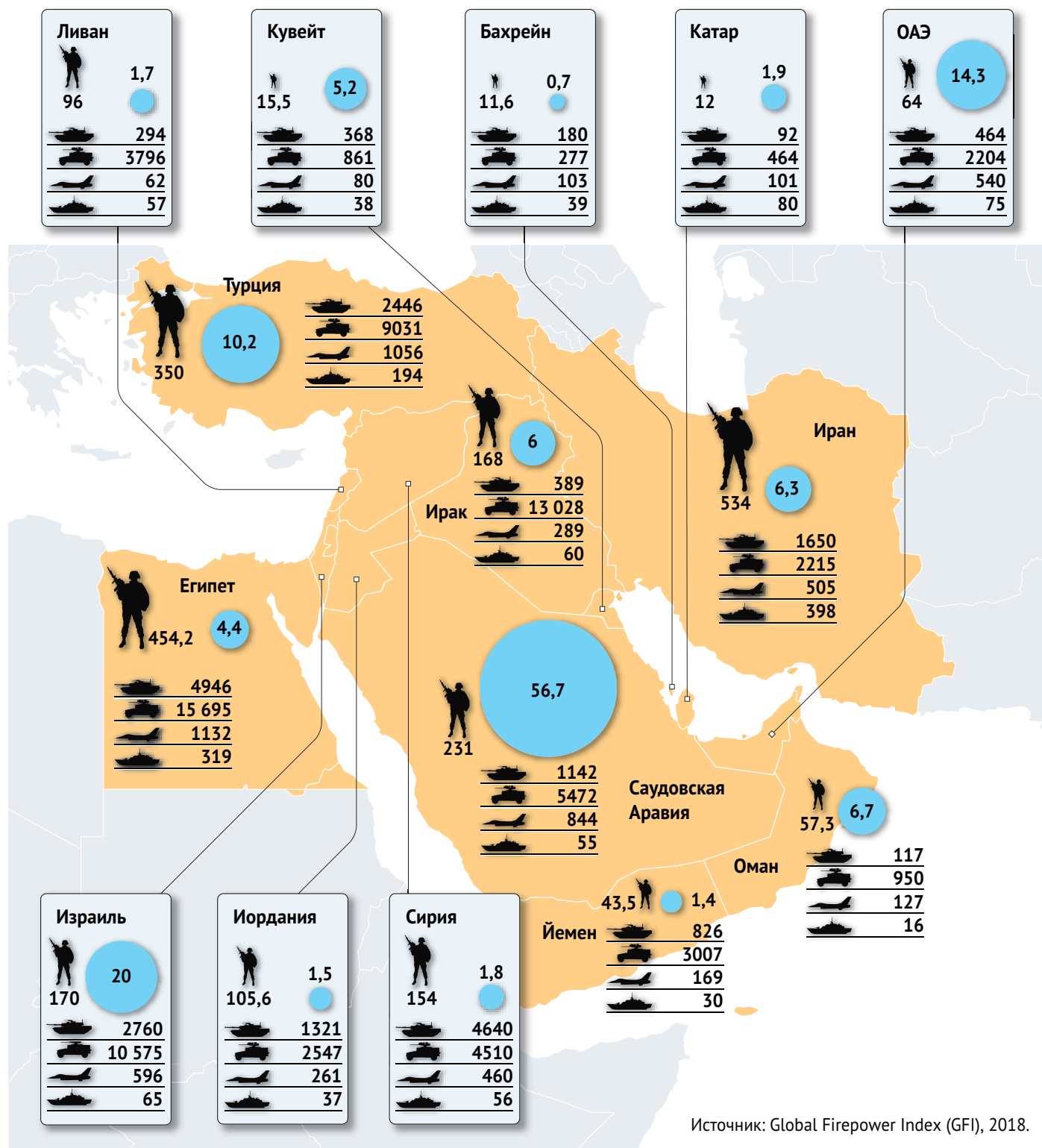
Заметным трендом в развитии ближневосточной государственности стала растущая значимость демократических процедур во всех странах региона, включая те, на территории которых продолжаются конфликты. Как и ранее, зачастую процедуры сводятся к выборам глав государств и законодательных собраний и далеко не всегда в действительности выполняют демократическую функцию. В одних случаях они играют роль инструмента легализации и (не всегда) легитимации действующей власти, в других же — превращаются в ещё одно средство определения лидерства, априори вторичное по отношению к средствам военным и экономическим.

Вопрос о выборах оказался одним из центральных в сирийском и ливийском мирных процессах, однако в обоих случаях необходимость их включения в повестку урегулирования вызывает серьёзную критику, хотя и по разным причинам.

В случае с Сирией проблема в том, что электоральная корзина — лишь третья из четырёх женеvских, и решение по ней должно теоретически следовать за решениями о переходных органах власти и конституции. При этом без предварительного достижения устойчивого консенсуса между основными участниками конфликта результаты любых выборов с большой

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Число военнослужащих (тыс. чел.) Военный бюджет (млрд \$) Танки Бронемашины Военные самолёты/вертолёты Военные корабли

Источник: Global Firepower Index (GFI), 2018.

вероятностью не будут признаны одной из сторон, что придаст новый импульс противостоянию.

В Ливии после свержения М. Каддафи выборы проходили дважды, причём в 2014 г. Палата представителей была избрана в условиях работы лишь 16% всех участков для голосования. Очевидно, что очередное повторение подобного опыта способно дискредитировать демократические процедуры как таковые, проложив путь либо к эскалации насилия, либо к установлению авторитаризма.

Постоянным политическим насилием сопровождаются избирательные кампании в Ираке, а также в Египте, где государство ведёт настоящую войну с терроризмом на Синае. При этом в Ираке в условиях широкого присутствия в государстве внешних игроков и относительной слабости правительства кампания превратилась в новое поле противостояния действующих акторов, чьи политические амбиции подкрепляются военной силой. В Египте же террористическая угроза позволила действующему президенту консолидировать электорат, сведя к минимуму конкурентность процесса. В то же время она помогла не допустить дестабилизации в условиях высокой социальной напряжённости, вызванной серьёзными проблемами в экономике. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, их решение потребует ещё некоторого времени, в течение которого правительству придётся идти на непопулярные меры.

Продолжающийся экономический кризис оказывается существенным фактором политического процесса и в Тунисе, где, в отличие от Египта, исполнительная власть по-прежнему чувствует себя неуверенно. Муниципальные выборы 2018 г. в этой стране стали важным шагом в развитии демократических процедур, однако послевыборный период может обернуться новым обострением внутривнутриполитической ситуации. Победа ушедшей в оппозицию в 2014 г. партии «Ан-Нахда» может привести к возобновлению соперничества между исламистами и «старой» элитой. При этом вполне вероятными остаются попытки давления на исламистов и их вытеснения из политического пространства страны. Одновременно с этим обретение значительной доли голосов независимыми кандидатами стало подтверждением низкого доверия общества к политическим партиям как таковым, что может вести к дисфункции муниципальной системы.

В целом расширение применения демократических процедур стоит рассматривать как признак продолжающейся и усложняющейся гибридизации политических систем. С одной стороны, манипуляция внешними элементами демократии без изменения сущностных основ власти затруднит дальнейшее институциональное развитие. С другой — гибридизация расширяет окно возможностей для слабых акторов, так или иначе не только повышая легитимность действующей власти, но и смягчая присущий системам жёсткий централизм.

Укрепление гражданского общества в регионе и распространение демократических процедур — процесс сложный и противоречивый. Тем не менее он отражает происходящую политическую модернизацию. Однако протекает она достаточно неровно: практически во всех государствах наравне с ней наблюдается и тренд на архаизацию. Модерн и архаика зачастую могут сочетаться в деятельности одних и тех же социальных и политических общностей. Так, вооружённый конфликт привёл к реставрации полуразрушенных племенных структур во всех охваченных гражданским противостоянием странах. Племена, однако, способны не только интегрироваться в современные политические системы посредством подконтрольных НПО и политических организаций, но и использовать их для укрепления собственных идентичностей, консолидации социальных групп и выстраивания управленческих структур.

Сложное сочетание модерна и архаики характерно и для негосударственных вооружённых акторов, сохраняющих роль в регионе. Они широко используют в своей деятельности архаичные идентичности и идеологии и с равным успехом могут рассматриваться как порождение слабой государственности или как помеха современному государство-строительству. Позиции по отношению к государственной власти в данном случае непринципиальны — они варьируются от стремления к интеграции до последовательного неприятия. В любом случае они всегда представляют интересы части населения, по тем или иным причинам считающей, что без такой вооружённой опоры она может быть ущемлена в правах. Зачастую подобные структуры пользуются внешней поддержкой. Однако они не только всегда имеют собственную повестку, отличную от повестки покровителей, но обращаются к последним прежде всего из-за неготовности центральной власти к расширению их политического участия.

Поддержка соответствующих движений внешними игроками не только носит инструментальный характер, но в значительной степени обусловлена общностью религиозно-политических или только политических идентичностей. Соответственно, отказ от поддержки лояльных им организаций для Ирана, Саудовской Аравии, Турции, Катара, Египта опасен, поскольку означал бы крушение всей ценностной основы внешней политики этих стран и грозил бы в перспективе потерей других союзников, а также серьёзным снижением легитимности правительств в глазах собственных граждан.

Особое место среди негосударственных вооружённых акторов занимают международные террористические группировки. Разгром ИГ в Сирии и Ираке как территориального образования показал ограниченную перспективность подобных квазигосударств и общую уязвимость крупных джихадистских структур, что снижает вероятность образования его аналогов, как магнитом притягивающих джихадистов со всего мира.

Вместе с тем коренные причины возникновения подобных образований не устранены. Естественным следствием становится рост угрозы сетевого терроризма, формирование спящих ячеек как в странах региона, так и за его пределами, рост рекрутинговой активности, дальнейшее распространение террористической активности в киберпространстве, все более широкое использование террористами новых инструментов например, криптовалют.

С проблемой деятельности негосударственных вооружённых акторов на Ближнем Востоке связан вопрос о роли вооружённых сил и институтов общественной безопасности в политических системах региона. Дальнейшее развитие государственности требует установления правительствами монополии на легитимное насилие при одновременной деполитизации его агентов. Ни в одном из арабских государств ни та, ни другая задача никогда не реализовывалась. И сегодня сохраняющаяся террористическая угроза в целом ряде государств воспринимается как достаточное основание для высокой политической вовлечённости вооружённых сил, что объективно может стать фактором укрепления авторитаризма, с одной стороны, и ослабления государственности — с другой.

В Сирии и Йемене вопрос об институтах легитимного насилия отчасти сводится к проблеме демилитаризации общества в рамках мирного процесса и реинтеграции участников вооружённого противостояния. В Ливии же первичной остаётся задача объединения вооружённых сил, их хотя бы ограниченная деполитизация и принятие республиканской идентичности.

И всё же, вопреки апокалиптическим прогнозам, ни одно государство, вовлечённое в конфликт, не прекратило существование и не распалось. Несмотря на тенденцию к дезинтеграции, продемонстрирована относительная устойчивость политических режимов (Ирак, Сирия) и социально-политических структур (Йемен, Ливия). При этом, однако, основным фактором общественно-политической жизни на Ближнем Востоке, определяющим поведение как политических элит, так и широких общественных слоёв, стал страх перед возможным насилием и конфликтами.

В 2010-е гг. в регионе была совершенно утрачена уверенность в долговечности существующих государственных образований, а тема возможного изменения границ стала постоянным рефреном любых разговоров о будущем региона. Последствия противоречивы. В странах с нестабильными политическими системами подобная неуверенность не позволяет участникам политического процесса выстраивать долгосрочные стратегии развития, способствует политическому эгоизму и конъюнктурности поведения лидеров, препятствует становлению качественного управления. В других случаях она становится важным элементом общественного договора, при котором общество готово на определённые ограничения в обмен на жёсткие меры со стороны правительства по укреплению национальной безопасности и политического режима. Однако иногда эта неуверенность может играть роль катализатора реформ, подталкивая элиты к выстраиванию более адекватной системы отношений между властью и обществом, свидетельством чего и становятся процессы развития гражданского общества и демократических институтов.

Для Сирии, как и для значительной части ближневосточного региона, одной из центральных проблем стала курдская. Она имеет, без сомнения, региональные корни, но по стечению исторических обстоятельств приобрела международное значение как своего рода прецедент. От того,

будет ли найден сбалансированный подход к устремлениям курдского народа, зависит очень многое не только в странах его пребывания, равно как и от того, каким именно этот подход будет. Притом что в каждой из основных стран проживания курдов — в Иране, Ираке, Турции и Сирии — проблема связана с собственной повесткой дня и включена в особый политический контекст, мировому сообществу она видится единой. В связи с этим ряд экспертов, в том числе некоторые участники Ближневосточной конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай», предлагают создать структуру с мандатом ООН, способную комплексно подойти к её решению.

Пока что борьба курдов за самоопределение рассматривается элитами соответствующих государств как вызов территориальной целостности, а сами курдские лидеры — как сепаратисты. Понимая, что кризис предоставляет им историческую возможность если не обретения государственности, то повышения уровня международной субъектности, они пытаются пользоваться моментом, испытывая пределы возможного.

Некоторые глобальные акторы активно используют курдов для воплощения своих геополитических замыслов, манипулируя их стремлением к самоопределению (США в Сирии). Другие, а именно региональные игроки, несмотря на заслуги курдов в борьбе с ИГ, жёстко действуют, чтобы помешать им закрепиться на освобождённых и контролируемых ими территориях (операция Турции в сирийском Африне). Одновременно достижение даже частичной автономии инициирует жёсткое противостояние между различными фракциями курдских элит, борющихся за власть и ресурсы. Яркой демонстрацией этого стал референдум по независимости Иракского Курдистана. Не приведя к реальной независимости, он обозначил тенденцию к инструментализации вопроса о независимости как в борьбе между курдскими элитами Ирака, так и в рамках общеиракского политического пространства. Он также продемонстрировал стремление международного сообщества максимально поддерживать территориальную целостность существующих государств, хотя в значительной их части — как широкая общественность, так и политические элиты — с сочувствием относятся к курдским национальным движениям и признают обоснованность их национальных чаяний.

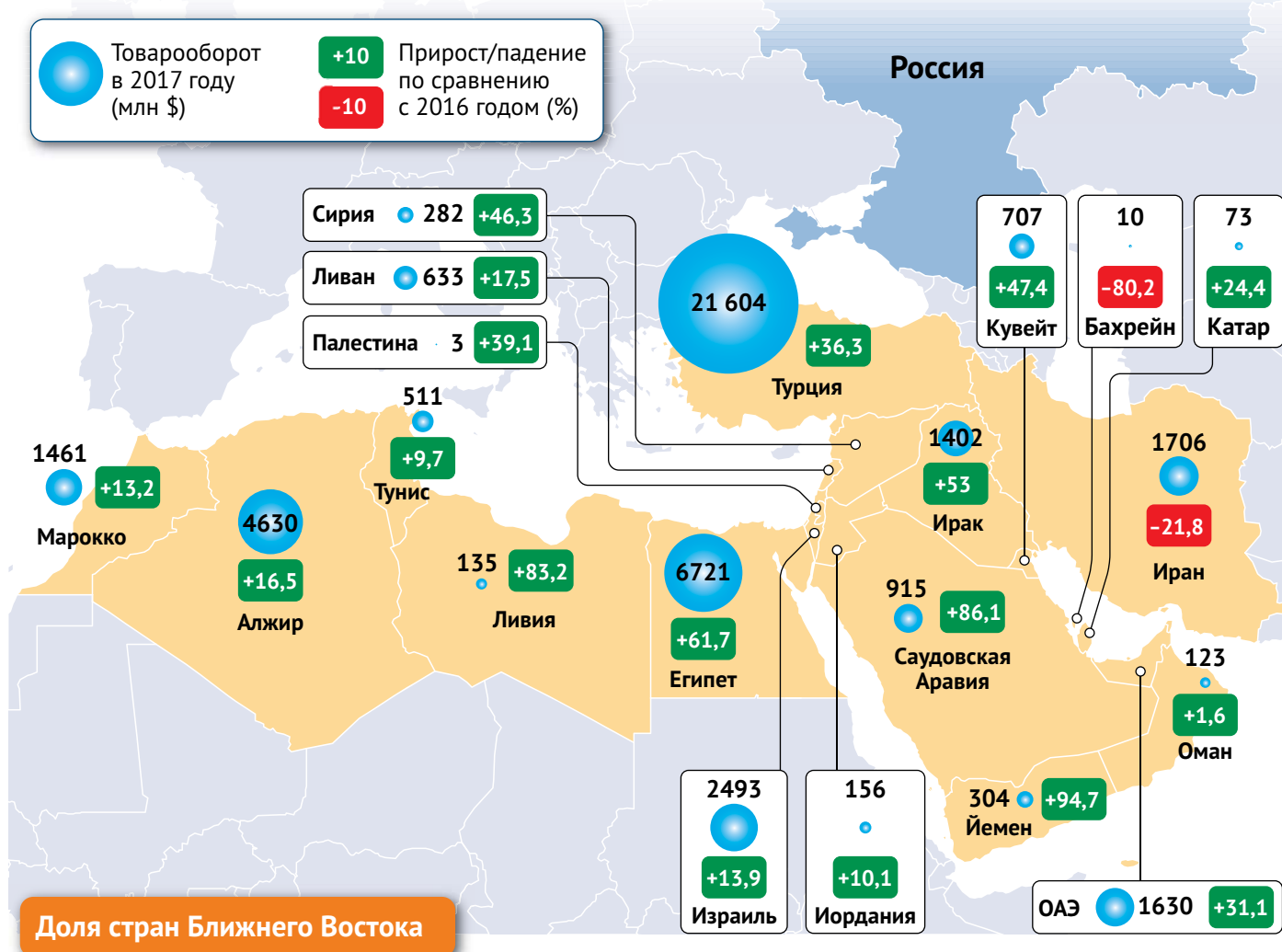
Ближневосточный концерт для России и мира

Несмотря на риски, российская политика в регионе с её подчёркиванием ценности суверенитета, сохранения государственности и соблюдения международных норм была призвана остановить дальнейшее усиление турбулентности и непредсказуемости. Иными словами, в современном мире Ближний Восток стал не просто ареной взаимодействия и соперничества между Россией и Западом (всё это имело место и в эпоху биполярного мира), но и предоставил возможность отработки новых механизмов, формирования подходов к урегулированию конфликтов и реабилитации обществ. Их реализация не является запрограммированной: она может отвергаться участниками международных отношений, которые не согласны с идеей неделимости безопасности и с обречённостью на длительное авторитарное правление во многих странах Ближнего Востока.

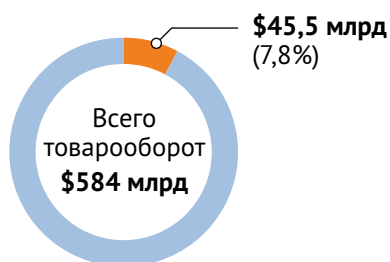
Действия России в Сирии обозначили новый этап в российской политике. Это был не очередной пример применения силы вблизи границ для обеспечения непосредственных интересов, а демонстрация гораздо более широких возможностей и заявка на глобальную роль. Военное присутствие в регионе при этом стало важным, но не единственным рычагом влияния, позволяющим Москве проводить многовекторную политику. Военный компонент политики России подчас побуждает региональные и некоторые глобальные силы рассматривать её как игрока, претендующего на то, чтобы заменить другие влиятельные державы на Ближнем Востоке. Такое представление не отражает реальности. Конечно, России удалось продемонстрировать и эффективность в борьбе с терроризмом, и свою значимость как политического партнёра. Но для Москвы всё более очевидно, что стабилизация обстановки, меры по восстановлению, урегулирование ближневосточных конфликтов не могут и не должны осуществляться в одиночку.

Важно, что новая роль России была с пониманием воспринята многими государствами и даже негосударственными игроками региона, которые генетически привыкли к существованию внешней системы сдержек и противовесов и чувствовали себя в её отсутствие некомфортно. России удаётся сохранить окно возможностей за счёт установления отношений с различными

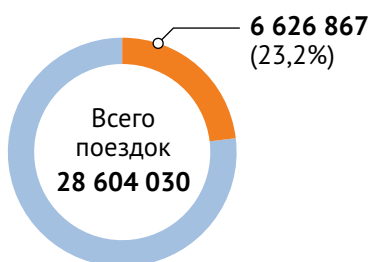
ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В 2017 ГОДУ

в товарообороте России

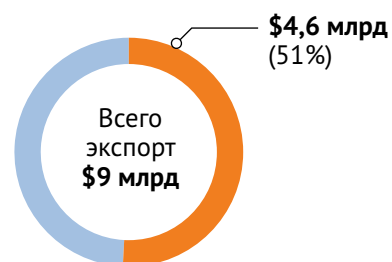

в поездках россиян в страны дальнего зарубежья

Оценка Ассоциации туроператоров России на основе данных ФСБ РФ

в российском экспорте продуктов растительного происхождения

Включая зерновые

и далеко не нейтральными по отношению друг к другу игроками. У Москвы сложились рабочие связи с Израилем и «Хизбаллой», с Ираном и Саудовской Аравией, с правительством и оппозицией в Сирии, с правительством в Триполи, Палатой представителей в Тобруке и с племенами на юге Ливии, с Катаром и ОАЭ, с Турцией и курдами.

Значимые дивиденды получены в результате соглашений о поставках российского оружия в различные страны, в том числе в те, где раньше его никогда не было. Если военно-технические связи с Египтом, Сирией, Алжиром носят традиционный характер, то прорыв российских компаний в страны Залива, Турцию, Тунис, Марокко — абсолютно новый феномен. Заказы, поступающие от арабских государств, составляют приблизительно 20% общего российского экспорта вооружений. Россия в 2016 г. поставила, в частности, оружия на 300 млн долл. в Ирак, почти на 400 млн долл. в Иран и на 1,5 млрд долл. в Алжир. Российский портфель военных заказов от стран Ближнего Востока составил в 2017 г. 8 млрд долл.²

С одной стороны, продажа вооружений является своего рода экспортом безопасности — в условиях конфликтов и турбулентности никто не чувствует себя достаточно защищённым, и спрос на доказавшие свою эффективность системы будет только расти. С другой стороны, такой ситуативный спрос ещё не является достаточным для конвертирования военной составляющей в политические позиции и влияние. Очевидно, что в процессе реконструкции разгромленных в ходе военных конфликтов и мятежей государств, а также реабилитации обществ Россия не сможет взять на себя одну из ведущих ролей в связи с ограниченностью экономических возможностей. Её нынешнее присутствие и активность на Ближнем Востоке можно рассматривать как заявку на получение ею статуса одного из ведущих игроков, но он будет подвергаться постоянной проверке. Отсюда проистекает активность некоторых российских компаний, не относящихся напрямую к военно-промышленному комплексу: «Росатом», строительные и нефтяные компании, которые пытаются выйти на ближневосточные рынки.

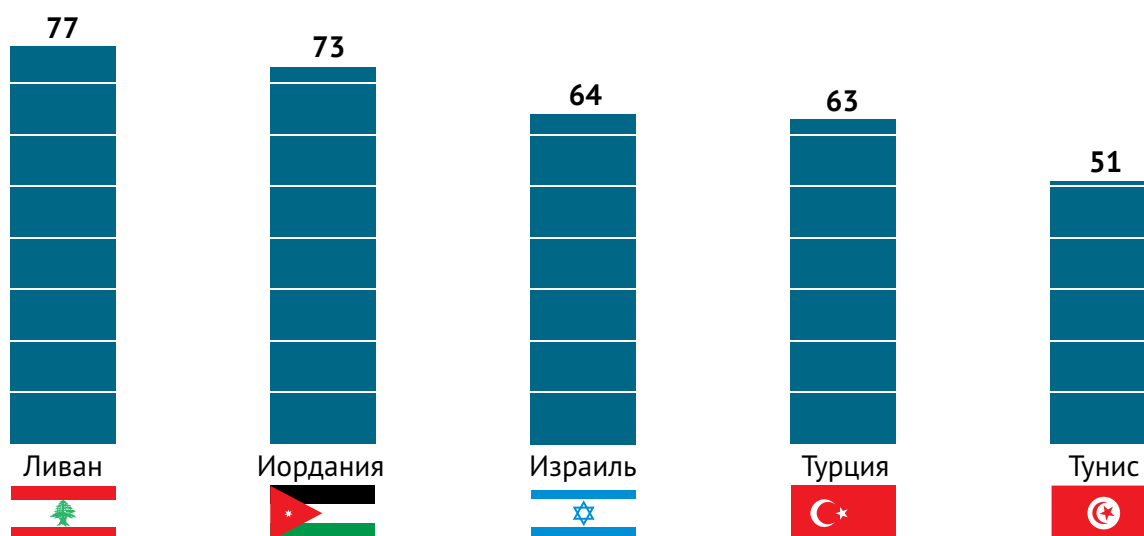
Укрепление связей с различными влиятельными региональными игроками вовсе не исключает поддержания отношений с глобальными

² Подробно см. Akulov A. *Russia's Arms Sales to Middle East Countries Spike to Record-High Levels* // Strategic Culture Foundation. 2017. November 18. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2017/11/18/russia-arms-sales-middle-east-countries-spike-record-high-levels.html> (accessed 19 April, 2018)

РОСТ ВЛИЯНИЯ РОССИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

За последние 10 лет Россия стала играть более важную роль на Ближнем Востоке

(% респондентов, согласных с этим утверждением)

Источники: Pew Research Center.

партнёрами, но в контексте запутанных ближневосточных проблем именно региональное измерение в российской политике выходит на первый план. Сложная динамика развития ситуации требует от Москвы гибкости, готовности прислушаться к озабоченностям различных сторон, сохраняя при этом принципиальные для неё связи.

В данном докладе российская политика на Ближнем Востоке анализируется на примере конфликтов (сирийский конфликт, палестино-израильский, ливийский) и в контексте развития ситуации в Северной Африке, где у России имеется комплекс интересов. Ближневосточные конфликты, в которые так или иначе оказалась вовлечённой Россия — как прямой участник или «честный брокер» — могут быть хорошей иллюстрацией разнообразия инструментов и методов, необходимых если не для окончательного урегулирования (до него, как правило, всегда далеко), то хотя бы для снижения интенсивности конфликта и его перевода из военного в политическое противостояние.

Вооружённый конфликт фиксирует внимание на военных средствах реагирования на возникающие угрозы, на роли силы как фактора сдерживания и/или изменения сложившегося неблагоприятного баланса. В каждом из рассматриваемых конфликтов вооружённая сила играет свою роль. В сирийском случае она закрепились за внешними участниками, оказывающими прямое военное давление на внутренних игроков. В ливийском главную тяжесть военного противостояния несут его непосредственные участники. В палестинском же можно говорить лишь об отдельных кризисных стадиях, которые всё меньше воздействуют на общий асимметричный расклад сил.

«Горячее состояние» конфликта может создавать больше побудительных мотивов для поиска урегулирования, нежели стагнация, порождающая представление о том, что к такому конфликту можно приспособиться, с ним можно жить, обеспечивая безопасность средствами, не предполагающими непопулярные компромиссы. Сочетание военных и дипломатических мер при преобладании на нынешней стадии военных средств характерно для сирийского конфликта. В ливийском конфликте могут доминировать политические методы, но их эффективность зависит от институционализации внутренних игроков, которая обеспечит более устойчивую и прогнозируемую среду для международного посредничества.

В палестино-израильском конфликте роль внешних сил сводится исключительно к политико-дипломатической деятельности, которая, однако, требует значительно большей координации международных усилий и совместных прорывных инициатив, что в современных условиях представляется маловероятным.

Ближневосточные конфликты носят устойчивый характер и оказывают долгосрочное воздействие на систему международных отношений в регионе, но они не исчерпывают многообразия региональных и внерегиональных связей и не всегда объясняют логику различных игроков. Более широкий взгляд на протекающие процессы даёт возможность уйти от упрощённого сведения сложной ближневосточной реальности до уровня исключительно «конфликтного взаимодействия». В этой связи рассмотрение ситуации в Северной Африке даёт возможность анализа не только угроз безопасности России и направлений её возможного реагирования, но и экономических и политических интересов Москвы.

Московская симфония

Сирия. Allegro. Ситуация в Сирии, несмотря на ряд позитивных результатов, достигнутых в ходе военного разгрома ИГ, всё же не выглядит стабильной и близкой к урегулированию. Сложившееся соотношение сил чревато новыми вызовами и рисками. Изменение силового баланса грозит стать демотивирующим фактором для части оппозиции, опасющейся участия в переговорах в отсутствие надёжных и сильных позиций для торга.

Одновременно часть правительственной элиты может больше рассчитывать на военный выигрыш, чем на дивиденды, которые есть возможность получить в результате переговоров. При этом генетическая зависимость многих нынешних государств Ближнего Востока, включая Сирию, от внешних сил в принципе не способствовала формированию у локальных игроков ответственности за судьбу собственных стран. Свою низкую договороспособность они склонны приравнять к принципиальности, а периодически проявляемое нежелание идти на любые контакты и переговоры с противоположной стороной — к способу укрепления позиций для торга. На самом деле такая тактика значительно усложняет для внешних и региональных государств задачи стабилизации обстановки. Более того, затягивание урегулирования, в частности длительная стагнация женевского процесса, может иметь крайне неблагоприятные последствия для сирийской государственности. Во-первых, несмотря на позитивный опыт создания зон деэскалации, позволивших в отдельных районах существенно снизить уровень противостояния, их нельзя считать панацеей от насилия. Там, где окопались террористы из «Джебхат ан-Нусры»³ и аффилированных с ними организаций, требуются серьёзные военные усилия по их вытеснению с занятых позиций. Интенсивность вынужденных военных действий со стороны правительства Б. Асада при поддержке Воздушно-космических сил (ВКС) России вызывает критику со стороны ряда государств, препятствуя выработке согласованной международной позиции и по другим важным вопросам. Во-вторых, зоны деэскалации, сохраняя свой особый статус на длительное время, могут превратиться в зоны влияния отдельных государств и ряда негосударственных акторов, что грозит поставить под вопрос саму перспективу сохранения единой Сирии.

³ Организация запрещена на территории России.

В последнее время наблюдается всё большее расхождение интересов двух коалиций — американской и российской — поскольку более ясно очерчиваются несовпадающие интересы их отдельных участников. Это видно на различных примерах. Военная операция Турция «Оливковая ветвь» по вытеснению курдских сил самообороны (YPG) и созданию буферной зоны на сирийско-турецкой границе была обусловлена озабоченностью Турции «курдской террористической угрозой», имеющей для неё экзистенциальную значимость. Но вооружённые действия Турции против курдов не совпадают как с подходами Москвы, выступающей за учёт их интересов в единой Сирии, так и США, для которых курды были союзниками в борьбе против ИГ в Сирии. Усиление антагонизма между Анкарой и Дамаском также является негативным для урегулирования фактором.

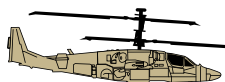
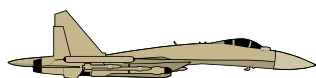
Нарастает напряжённость в отношениях арабских монархий и Израиля с Ираном. Израиль интенсифицировал обстрелы отрядов «Хизбаллы» и правительственных сил, и даже иранских объектов в Сирии, что находит понимание у суннитских монархий и, прежде всего, у Саудовской Аравии. Как ни парадоксально, но для Эр-Рияда действия Израиля в Сирии могут трактоваться как своего рода «подушка безопасности». Позиция Израиля находит полное понимание в США, которые считают давление на Иран важнейшим направлением своей ближневосточной политики и элементом торга в отношениях с Россией. В то же время и Россия, сохраняя доверительные рабочие отношения с Израилем, не может игнорировать его озабоченность перспективой появления в Сирии иранских баз, создания коридора из Ирака в Ливан или выхода «Хизбаллы» на границу по Голанским высотам.

В целом задача координации усилий между Россией и Западом по сирийской проблеме не была решена и пока сводится к сохранению формата предотвращения столкновений между военными и обмену соответствующей информацией. На фоне общего обострения отношений на мировой арене сирийский конфликт не только не способствовал снижению напряжённости, но, напротив, сам стал драйвером усиления разногласий. Перспектива урегулирования при сохранении правительства Б. Асада, хотя бы на время переходного периода в соответствии с резолюцией СБ ООН №2254, не вызывает энтузиазма ни у его политических противников, ни у США и их союзников, хотя уход Б. Асада больше не является их предварительным условием. Можно предположить, что коль скоро

ОКОНЧАНИЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В СИРИИ

Российская группировка приступила к выводу сил из Сирии

В первую очередь страну покинут

25 самолетов и вертолетов

отряд спецназа и военные полицейские

госпиталь

► **Су-35С** многоцелевые сверхманевренные истребители поколения 4++

► Переброшены в Сирию в 2016 году

В Сирии останутся

Пункты базирования российских военных на постоянной основе

Хмеймим

Тартус

авиация

ПВО

инженерные войска

Дамаск

57 000

граждан Сирии получили медицинскую помощь от военнослужащих РФ

Выполнено вылетов
самолеты

6 956

вертолеты

>7 000

Российские военнослужащие совместно с армией САР уничтожили в Сирии

32 000 боевиков

394 танка

12 000 единиц вооружения и техники

Освобождено

>67 000 км² территории Сирии

>1 000 населенных пунктов

78 нефтегазовых полей

2 месторождения фосфатных руд

Российская военная операция в Сирии проводится с 30 сентября 2015 года

Источники: сообщения информационных агентств

заставить Б. Асада уйти в краткосрочной перспективе явно не удастся, одним из паллиативов станет отторжение от контролируемой им территории максимально возможной её части. Но и эта задача сейчас не выглядит реалистичной с учётом кардинально изменившегося баланса сил. В то же время манипуляция курдскими силами и попытки США сформировать на их основе с привлечением арабских отрядов военный контингент, который установит контроль над важной частью сирийской территории, могут привести к созданию на ней квазигосударственности, что поставит под угрозу выполнение резолюции СБ ООН №2254 в части, касающейся сохранения территориального единства страны. Свои намерения, способные перекроить сирийскую карту, есть и у других прямых и косвенных участников конфронтации.

В последние месяцы в самом сирийском конфликте и в ситуации вокруг него произошли серьёзные изменения: активизировался начавшийся ранее процесс переформатирования конфликта, тесно связанный с идущей трансформацией всего миропорядка. В этом контексте эксперты и аналитики, принимавшие участие в заседаниях Ближневосточной конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай», отметили несколько наиболее важных пунктов, которые стали предметом обстоятельных дискуссий.

В этом конфликте ещё более рельефно чем прежде проявилась его многослойность. Противоречия между игроками всех трёх уровней конфликтности — локального, регионального и глобального — не удалось сгладить. Более того, шансы на их смягчение явно уменьшились, что затрудняет процесс урегулирования.

Сирийские вооружённые силы при поддержке России и Ирана успешно продолжали освобождение территории страны от остатков террористических групп. Продолжился процесс возвращения беженцев на освобождённые территории. В то же время в стране значительно снизился уровень вооружённого насилия. Несмотря на имеющие место серьёзные нарушения режима прекращения огня в «зонах деэскалации», он в целом всё же соблюдался.

Большие масштабы приобрело неприкрытое силовое вмешательство в конфликт ряда глобальных и региональных акторов, которые вторгаются

в Сирию под сфальсифицированными предложениями и стремятся отторгнуть различные части её территории, установив на них власть подконтрольных им антиправительственных группировок. Вопиющим нарушением международного права стали действия США, которые при поддержке Великобритании и Франции наносили ракетно-бомбовые удары по правительственным объектам в стране, бездоказательно обвиняя сирийские вооружённые силы в использовании химического оружия. Соединённые Штаты продолжили создание военных баз на сирийской территории.

В лагере сирийской оппозиции углубился раскол, что снизило возможность её консолидированного противостояния проправительственным силам. В то же время превращение провинции Идлиб в зону концентрации тысяч боевиков, выехавших туда из других регионов страны, увеличивает возможность нового витка вооружённого противостояния, если усилия по урегулированию окажутся безрезультатными.

Произошло формирование дополняющих друг друга трёх переговорных площадок. Первая из них — Женевские переговоры под эгидой ООН, пользующиеся поддержкой международного сообщества. Россия активно поддерживает усилия спецпосланника Генерального секретаря ООН Стаффана де Мистуры по продвижению переговорного процесса между сирийским правительством и оппозицией. Вторая — переговоры в Астане, где приняты важные решения по снижению уровня вооружённого насилия в стране. К этим двум площадкам добавилась новая — состоявшийся в Сочи Конгресс, на котором были представлены как проправительственные, так и оппозиционные сирийские силы. Одним из форматов урегулирования стал Амманский, в рамках которого достигнут ряд договорённостей между Россией, США и Иорданией.

Серьёзное влияние на ситуацию оказало размежевание в группе государств-спонсоров сирийской вооружённой оппозиции. Здесь особенно важную роль сыграл «катарский кризис», ослабивший способность государств-спонсоров консолидировать свои усилия.

Углублялся процесс взаимодействия в формате «тройки» — России, Турции и Ирана. Им удавалось минимизировать влияние существующих между ними различий в подходах к сирийскому кризису и в видении будущего Сирии на активно продолжающееся сотрудничество.

Повысилась роль курдского фактора, продолжились попытки внешних игроков, в первую очередь США, манипулировать курдами для достижения своих геополитических задач.

На ведущие позиции среди государств-спонсоров сирийской оппозиции выдвинулась Турция, у границ которой сконцентрировалось наибольшее число членов оппозиционных группировок.

Россия в возрастающей степени оказывала гуманитарную помощь населению Сирии. Она продолжала убеждать западных партнёров в необходимости подключения к процессу экономического восстановления и деполитизации этого вопроса, без решения которого урегулирование кризиса не будет возможным.

Ливия. Moderato. Ливия, до сих пор не сумевшая преодолеть хаос, воцарившийся там в ходе событий 2011 г., остаётся потенциальным источником региональной нестабильности, что требует от России выработки собственных подходов и готовности сотрудничать с другими силами на основе имеющихся планов урегулирования. Россия заявляет о поддержке плана урегулирования, предложенного Специальным представителем Генерального секретаря ООН по Ливии Гасаном Саламе, деятельность которого в целом оценивается Москвой чрезвычайно позитивно (в отличие от деятельности его предшественников). Вместе с тем динамика конфликта и специфика социально-политической ситуации в стране дают основания лишь для весьма умеренного оптимизма.

Низкая степень институционализации политического процесса, отсутствие опыта строительства политических организаций в совокупности со сверхмилитаризацией общества затрудняют формирование стабильных политических акторов. Вместе с тем ускоренная урбанизация и резкий рост населения в период правления М. Каддафи привели к частичному разложению племенной структуры, которая сегодня также не способна стать основой для выстраивания социального порядка. В результате, если в случае с Сирией проблема урегулирования сводится к поиску приемлемых для сторон компромиссов, в Ливии речь идёт о поиске стабильных политических организаций. Эта задача, по всей видимости, может быть решена

в три этапа. Первый предполагает обращение к реально функционирующим социально-политическим структурам базового уровня — местным советам и муниципалитетам в городах, советам племён и т.п., чем занимаются многочисленные работающие в стране НПО и на что в значительной степени ориентируется Миссия ООН. Второй — достижение устойчивых договорённостей между ними и вооружёнными формированиями. Третий — политическое оформление сложившихся коалиций. Первый и второй этапы видятся здесь наиболее сложными, участие в них внешних посредников может носить лишь ограниченный характер, а сама их реализация требует значительного времени.

Параллельно возникает вопрос, может ли государственное строительство «снизу вверх» быть поддержано и подкреплено урегулированием «сверху вниз» тем более, что некоторые институты не могут быть построены снизу, другие же — и без того функционируют, хотя и в неполной мере. Прежде всего это касается республиканской армии и других агентов легитимного насилия, функции которых на сегодняшний день приватизированы различными негосударственными акторами. Несмотря на то, что Ливийская национальная армия во главе с Халифой Хафтаром претендует на центральную роль в этом процессе, наличие политической субъектности не позволяет ей трансформироваться в общереспубликанский институт. В результате переговоры между Х. Хафтаром и правительством в Триполи об объединении вооружённых сил упираются в политический характер проблемы.

Возможным источником преодоления политической фрагментации в стране могут стать программы реконструкции. Само стремление к росту благосостояния за счёт использования природных ресурсов и экономических связей с внешним миром может стать основой формирования здесь «национальной идеи». Муниципалитеты, советы племён, городские общины, непосредственно обеспечивающие жизненные потребности населения, становятся в нынешней ситуации базовыми структурами для восстановления государственности. Интеграция же их в единую систему возможна посредством воссоздания необходимой социальной инфраструктуры.

Не менее важны для объединения страны и финансовые институты. Фактический распад единой финансовой системы, возникновение

альтернативного центрального банка на востоке, нехватка ликвидности при одновременном дублировании эмиссионных центров — имеет место крайняя стадия дезинтеграции и фрагментации уже не только политического, но и единого экономического пространства. Впрочем, теоретически необходимость выполнения международных контрактов даёт возможность международному сообществу способствовать его унификации.

Последнее, однако, несмотря на декларируемое единство подходов, остаётся расколотым. Региональные акторы проецируют на Ливию те же линии противостояния, что разделяют их в Машрике (Турция—Катар vs Египет—Саудовская Аравия—ОАЭ). Диспозиция же глобальных игроков здесь принципиально отличается. США демонстрируют неготовность к глубокому вовлечению в ливийские дела, государства Европы не только не способны говорить «одним голосом», но и всё больше конкурируют друг с другом. Прежде всего это касается Франции и Италии: обе страны готовы сотрудничать с любыми ливийскими силами, преследуя главным образом свои экономические интересы.

В этих условиях Москва заявляет о курсе на «равноприближенность» к различным сторонам ливийского конфликта, что находит конкретные проявления в многочисленных визитах в Россию представителей Триполи, Тобрука, Мисураты и других политических центров. Пытаясь выдерживать равную по отношению ко всем сторонам конфликта дистанцию, Москва, тем не менее, неизменно демонстрирует не только заинтересованность в политическом процессе в Ливии, но и готовность способствовать его продвижению, играя хорошо освоенную ей посредническую роль.

Характерно при этом стремление опробовать на Ливии новые инструменты и каналы реализации внешней политики. Так, наравне с МИД ливийской проблематикой активно занимается руководство Чечни и специально созданная при МИД и Государственной Думе РФ Контактная группа по внутрививийскому урегулированию, координирующая усилия различных ведомств. Подобная «полифония» позволяет российскому правительству выстраивать отношения с самыми разными игроками ливийского политического поля.

Палестина. Lento. В сложном ближневосточном пасьянсе параллельных и несовпадающих интересов, робких надежд и отсутствия доверия, рациональных шагов и иррациональных оценок наличие доверительных отношений между Москвой и палестинскими лидерами, а также связей между Москвой и израильским руководством создаёт предпосылки для российской активности в ближневосточном урегулировании.

Однако именно урегулирование этого хрестоматийного затяжного конфликта, доставшегося современному миру как наследие холодной войны, в последнее время испытывает новые трудности. Переговоры не ведутся, международные посредники не предлагают новых вариантов и подходов, и только противоречивые заявления президента Д. Трампа неожиданно вновь вернули палестинскую проблему в международную повестку дня. Одностороннее признание Соединёнными Штатами Иерусалима в качестве столицы Израиля в отрыве от связанных с палестинской проблемой международных обязательств вызвало вполне прогнозируемое сопротивление палестинцев.

Действительно, в последние годы палестино-израильский конфликт заслонили другие, более острые, насыщенные военными столкновениями конфликтные ситуации в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии, что даже позволило некоторым экспертам прийти к выводу, что ближневосточный конфликт ныне территориально сдвинулся в сирийско-иракский субрегион, где, собственно, и решаются главные для Ближнего Востока проблемы.

Пробуждение внимания к палестинскому направлению проходило в специфических условиях, после нескольких лет «забвения», сформировавших собственную динамику развития конфликтной ситуации. Она характеризуется продолжением строительства израильских поселений и изменением ситуации на земле, постепенной деградацией палестинских институтов, социально-экономическим кризисом в Газе, где ХАМАС всё меньше способен обеспечить базовые потребности населения. По оценкам экспертов ООН, реальный ВВП на душу населения в Газе сократился, растёт спрос на медицинское обслуживание, но услуги в этой сфере сокращаются. Международная помощь играет важную роль, но не способна переломить тенденцию к ухудшению положения. Серьёзную опасность представляет перспектива полного истощения единственного источника пресной воды в Газе к 2020 году. Уже

сегодня жители сектора испытывают серьёзные перебои с поставками воды и электричества.

В целом всё более проблематичной выглядит базовая формула урегулирования — «два государства для двух народов», — поскольку территория, на которой можно было бы создать палестинское государство, сужается, а в политическом поле превалируют жёсткие взгляды.

К факторам, осложняющим возобновление переговоров, можно отнести подходы администрации Трампа, которые впервые за много лет американо-израильского стратегического сотрудничества совпадают с подходами израильских правых и религиозных кругов, выступающих за сохранение израильских поселений, за объединённый Иерусалим и против возвращения Западного берега под контроль Палестинской национальной администрации (ПНА).

В условиях, когда перспектива переговоров выглядит призрачной, неслучайно сохранение разногласий между ПНА и ХАМАС, несмотря на попытки последних обозначить движение в сторону большего национализма и взвешенных решений. У них остаётся всё меньше стимулов для выработки общей консолидированной позиции, предусматривающей компромиссы с обеих сторон. После заявления М. Аббаса о завершении процесса Осло в ответ на признание Д. Трампом Иерусалима столицей Израиля и решение о переводе туда американского посольства не вполне понятны и сами рамки переговорного процесса.

На региональном уровне оживление интереса к палестинской проблеме не привело к тому, что она вернулась в центр общеарабской повестки дня. Для большинства арабского мира палестинская проблема теряет прежнюю роль важнейшего мобилизующего фактора. Она воспринималась как вопрос чести не только элитами, но и улицей, реакция которой сдерживала любые попытки власть предержащих ослабить бремя ставших общеарабскими обязательств. Эта консолидация строилась на антиизраильской основе, и только политическое продвижение на палестинском треке могло рассматриваться как легитимная основа улучшения отношений между арабами и Израилем. В нынешнем ближневосточном контексте у суннитских арабских государств, по крайней мере у их значительной части, появилась серьёзная угроза их идентичности, которая не только подталкивает их к совместным действиям,

но и обуславливает возможность сближения с Израилем даже в отсутствие решения палестинской проблемы. Речь идёт об Иране, который, по мнению его арабских оппонентов, проецирует силу в арабский мир, принимая активное участие в конфликтах в Ираке и Сирии, и политика которого представляет опасность для тех арабских государств, где имеются шиитские общины.

Для Израиля, как утверждает его руководство, Иран также представляет экзистенциальную угрозу, поскольку будто бы стремится к его уничтожению, обладая связями с враждебными Израилю организациями (например, с ливанской «Хизбаллой»), значительным военным потенциалом и, несмотря на соглашение, заключённое между Ираном и «шестёркой» и известное как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), возможностью возобновить проект создания ядерного оружия, а также не намерен свёртывать свою ракетную программу. В случае необходимости Израиль будет готов нанести военный удар по Ирану. Кстати, лишь недавно израильтяне признались, что их ВВС в 2007 г. нанесли удар по сирийскому ядерному реактору.

Сближение Израиля и Саудовской Аравии на антииранской основе может серьёзно повлиять на судьбу палестинской государственности. Если Эр-Рияд примет американский план, он сможет рассчитывать на снятие препятствий для нормализации отношений с Израилем ради общей борьбы с Ираном. При этом шансы палестинцев на создание собственного жизнеспособного государства существенно снизятся.

Приведённая выше экспозиция необходима для того, чтобы обозначить ресурс, имеющийся у России для того, чтобы не допустить подмену международно признанных принципов урегулирования палестинской проблемы односторонними схемами. Для России, выступающей за коллективные усилия и международный формат урегулирования, сотрудничество с США в этом направлении представляется важным, несмотря на различия в подходах. В то же время Международный квартет посредников в его нынешнем составе (РФ, США, ЕС и ООН) не воспринимается палестинской стороной как беспристрастная и действенная структура. Предложение о расширении состава Квартета за счёт Лиги арабских государств выглядит логичным и, возможно, обеспечило бы его большую сбалансированность.

Немаловажную роль в процессе урегулирования могли бы сыграть особые отношения России с непосредственными участниками конфликта.

Россия неоднократно способствовала попыткам примирения ФАТХ («Движение за национальное освобождение Палестины») и ХАМАС, выступала в ООН с резкой критикой поселенческой политики Израиля. Разность подходов к палестинской проблеме разделяет Россию и Израиль, хотя в целом двусторонние отношения демонстрируют очень высокий уровень взаимного уважения, доверительности и взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Однако продвижение на палестинском треке зависит не только от эвентуального возобновления двусторонних палестино-израильских переговоров. Для этого нужны изменения в региональном контексте. В настоящее время очевидно, что Иран является для многих вне-региональных и региональных сил главной угрозой, а следовательно, им не до палестинцев, которые вольны принимать американский план или отказываться от него без надежды на помощь и поддержку когда-то активных арабских доноров. Что нужно сделать для снижения враждебности между Ираном и Саудовской Аравией? Возможна ли стабилизация в сирийском конфликте, где активность Ирана и «Хизбаллы» рассматривается Израилем как прямая угроза?

Эти вопросы возвращают нас к главному. Россия развивает отношения со всеми, но она не может действовать в одиночку, и, как и другие участники ближневосточной драмы, сталкивается с серьёзными рисками. В настоящее время Ближний Восток не только генерирует вызовы, но и предоставляет международному сообществу уникальную возможность инструментального использования конфликтов для налаживания отношений между опасно отдаляющимися друг от друга глобальными игроками. Одним из таких конфликтов остаётся палестинская проблема.

Йемен. *Largo*. Из всех региональных конфликтов на Ближнем Востоке йеменский на сегодняшний день представляется наиболее сложным по структуре, самым драматичным по гуманитарным последствиям и наименее охваченным вниманием международного сообщества.

Распространённое представление о бинарном характере противостояния лишь в малой степени отражает всё многообразие военно-политической

ситуации в стране. Если на первых порах и можно было говорить о войне альянса хуситского движения «Ансаралла» и сил Всеобщего Народного Конгресса (ВНК) под руководством бывшего президента страны Али Абдаллы Салеха против поддерживаемого Саудовской Аравией правительства Абд Раббо Мансура аль-Хади, то сегодня обстановка намного более запутанна.

По официальным данным, жертвами конфликта с начала иностранной интервенции 2015 г. стало менее 10 тысяч человек. Однако разрушение элементарной системы жизнеобеспечения, произошедшее в тот же период, привело к тому, что более трёх четвертей населения (22,2 млн чел.) нуждаются в гуманитарной помощи: около 18 миллионов страдают от постоянного недоедания, более 16 миллионов — от нехватки воды, более миллиона больны холерой.

Резкое обострение гуманитарной ситуации в контролируемых хуситами, ВНК и племенами хашед и бакиль северных районах, казалось бы, должно было изменить их запросные позиции. Этого, однако, не произошло. Разворот Али Абдаллы Салеха в декабре 2017 г. в сторону сотрудничества с противником был охарактеризован ими как попытка заговора в пользу врага, а убийство бывшего президента стало провозвестником нового витка насилия.

Одновременно на Юге Йемена наблюдался рост территориальной фрагментации: в мае 2017 г. главный город Юга Аден и самая богатая запасами углеводородов восточная провинция Хадрамаут объявили о создании собственных органов самоуправления, стремящихся к фактической независимости от администрации А.М. Хади.

В результате даже без учёта внешних сил сегодня можно говорить о существовании как минимум пяти сторон конфликта: «Ансаралла», установившая власть в Сане; салафистская партия «Аль-Ислах», которую военной силой поддерживает генерал Мохсен аль-Ахмар; сепаратистские движения Юга и Хадрамаута; «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) и ИГ, действующие в ряде районов на юге страны. На внутривнутриполитическом уровне конфликт одновременно конфессиональный, племенной, территориальный и идеологический. Острота противостояния усугубляется хроническим и нарастающим дефицитом ресурсов, от которого страдает йеменское общество, а также вовлечённостью в конфликт внешних сил.

Они представлены практически исключительно региональными акторами: Ираном, Саудовской Аравией с союзниками, Катаром и ОАЭ. Степень участия Ирана и союзных ему негосударственных акторов, вроде «Хизбаллы», в поддержке хуситов до сих пор не вполне ясна. В то же время для Саудовской Аравии конфликт давно стал едва ли не центральным фактором внешней политики. Дорогостоящая операция так и не принесла серьёзных результатов, а отношения с союзниками по коалиции всё более запутаны. Кувейт и Оман с самого начала не проявляли никакого энтузиазма, пытаясь взять на себя посреднические функции. Катар заморозил своё участие в результате ухудшения отношений с другими членами ССАГПЗ и сегодня думает о кардинальном изменении своей позиции. Абу-Даби же становится всё более очевидным конкурентом Эр-Рияда, так или иначе поддерживая сепаратистские движения на юге страны.

Столь сложная картина противостояния региональных игроков становится следствием нарастания борьбы за лидерство в Заливе. Проецирование на сложную внутривнутриполитическую ситуацию региональных противоречий ведёт к инструментализации йеменского конфликта в международных отношениях, при которой его изначальное содержание оказывается всё более подчинено повестке дня внешних акторов.

Глобальные игроки при этом избегают транслировать на Йемен свои прочие противоречия — все они выступают в поддержку политического урегулирования. Теоретически Йемен мог бы оказаться полем для сотрудничества между Россией и странами Запада, хотя по всем остальным направлениям двусторонние отношения продолжают ухудшаться. Велика, однако, вероятность того, что большее вовлечение Москвы в йеменские дела приведёт к прямо противоположному результату, поспособствовав превращению страны в очередное поле противостояния глобальных игроков.

Отчасти из-за подобных опасений, отчасти из-за необходимости экономить ограниченные ресурсы, отчасти из-за боязни нарушить хрупкий баланс в отношениях с ключевыми государствами региона Москва не проявляет особой активности на йеменском направлении.

Магриб. Presto? Североафриканское направление никогда не было приоритетным для России. Включённое в ближневосточную или, несколько реже, в средиземноморскую повестку, оно неизменно играло — и продолжает играть — периферийную роль в стратегиях, реализующихся Москвой в соответствующих регионах.

Северная Африка рассматривается Москвой главным образом в контексте российско-европейских отношений, через призму геополитических интересов и проблем стратегической безопасности. Южное Средиземноморье и сам средиземноморский бассейн служат при таком подходе территориями возможного наращивания военно-политического влияния, что особенно важно в условиях нарастающей конфронтации России с Западом.

В ближневосточной же перспективе Северная Африка приобретает более самостоятельное значение. Политика здесь подчиняется логике, определяющей стратегию России в странах Машрика, и направлена на капитализацию достигнутых там успехов. Соответственно, она определяется российскими экономическими интересами, с одной стороны, и необходимостью минимизации исходящих отсюда угроз безопасности — с другой. Последнее, в свою очередь, с российской точки зрения требует укрепления государственности в странах субрегиона и принципиального снижения уровня террористической угрозы.

При этом большинство стран Северной Африки на протяжении последних лет демонстрируют относительную устойчивость как перед системными вызовами государственности, так и перед террористической угрозой. В связи с этим и политика России по отношению к расположенным здесь государствам наполняется новым содержанием. Так, в отношениях с Алжиром, Марокко и Тунисом локомотивом становится экономика, а в случае с Алжиром — военно-техническое сотрудничество (ВТС), наращиванию объёмов которого особенно способствовала успешная операция российских ВКС в Сирии.

Ещё в 2001 г. Москва подписала с Алжиром соглашение о стратегическом партнёрстве. В результате торговый оборот между двумя странами объёмом более 4 млрд долл. реализуется главным образом в сфере ВТС —

более 90% оружия, закупаемого Алжиром, поступает из России⁴. Значительно меньшая по объёму российско-марокканская торговля не только активно развивается, но и структурирована принципиально иначе. Центральное место в ней занимают продукты сельского хозяйства, а важными участниками рынка оказываются предприятия среднего и малого бизнеса, что способствует формированию более глубоких и сбалансированных, чем в случае с Алжиром, экономических отношений.

Состоявшийся в начале октября 2017 г. визит главы российского правительства Д.А. Медведева в Алжир и Марокко продемонстрировал стремление Москвы сохранять баланс в отношениях с двумя ведущими государствами Магриба. Посвящённый главным образом экономической повестке дня, он привёл к подписанию целого ряда соглашений. В случае с Алжиром они касались ограничения нефте- и газодобычи, развития атомной энергетики⁵, а также, согласно ряду источников⁶, поставок систем С-400, самолётов Су-32 и Су-34, создания совместных предприятий с участием «Уралвагонзавода» по выпуску грузового подвижного железнодорожного состава и производства в этой стране грузовиков «Камаз». С Марокко заключены соглашения не только по сельскому хозяйству, но также по энергетике и вопросам безопасности.

Педантичный параллелизм, проявляемый Москвой при выстраивании экономических отношений с Алжиром и Марокко, хорошо сочетается с дистанцированием от проблемы Западной Сахары. Последняя, хотя и исчезла давно с первых строк международной повестки, для западного Магриба сохраняет свою остроту. В постсоветский период Россия постаралась уйти от очевидно проалжирской позиции в этом вопросе, хотя и не стала рвать связи с Фронтом ПОЛИСАРИО — ежегодные визиты его руководства в Москву показывают желание последней сохранить потенциал воздействия в случае обострения ситуации.

⁴ Lamlili N. Mansouria Mokhefi : «L'Algérie cherche à réaffirmer la primauté de ses relations avec la Russie» // *Jeune Afrique*. 2016. 27 avril. URL: <http://www.jeuneafrique.com/321456/politique/mansouria-mokhefi-algerie-cherche-a-reaffirmer-primaute-de-relations-russie/>

⁵ Dmitri Medvedev veut renforcer l'influence de la Russie au Maroc et en Algérie // *Afric24 Monde*. URL: <http://africa24monde.com/actualite/view/dmitri-medvedev-veut-renforcer-l-influence-de-la-russie-au-maroc-et-en-algerie.html>

⁶ Meddi A. Dmitri Medvedev à Alger: Moscou retrouve le chemin du Maghreb // *Le Point Afrique*. 2017. 10 octobre. URL: http://afrique.lepoint.fr/economie/dmitri-medvedev-a-alger-moscou-retrouve-le-chemin-du-maghreb-10-10-2017-2163406_2258.php

Экономика остаётся ведущим элементом и российско-тунисских отношений. В результате кратковременного кризиса в отношениях с Турцией и отмены прямого авиасообщения с Египтом значительная часть российского туристического потока оказалась в последние годы перенаправлена на Тунис, что позволило России занять лидирующее место среди государств, откуда в эту страну прибывают туристы.

Сохраняющиеся отношения с ПОЛИСАРИО, ВТС с Алжиром, сотрудничество в сфере туризма с Тунисом хотя и не используются сегодня российским правительством для продвижения политических интересов в Магрибе, создают для этого серьёзный потенциал, который может быть задействован в случае необходимости.

Взаимодействие России в Северной Африке с государствами Европы могло бы способствовать улучшению климата в российско-европейских отношениях. При этом конкуренция Москвы с европейскими государствами — прежде всего Францией — по отдельным экономическим направлениям и в сфере ВТС (Алжир, Ливия, Египет) не мешает им взаимодействовать по политическим вопросам. Однако, учитывая внешнеполитический прагматизм российского руководства, подобное сотрудничество — по вопросам безопасности, борьбы с терроризмом, борьбы с нелегальной миграцией — должно быть политически обусловлено и вести к понятным политическим выгодам для России.

В условиях же нарастающей конфронтации более значимыми становятся военно-политические элементы региональной политики. Воссоединение Крыма с Россией, сближение с Турцией, модернизация военно-морской базы в Тартусе и создание военной базы в Хмеймиме поставили вопрос о возобновлении постоянного присутствия российского флота в Средиземном море и возвращении туда Пятой эскадры ВМФ. Последнее, в свою очередь, может потребовать создания глубоководной базы в подтверждение долгосрочных гарантий по проливам от Турции. Реализация подобного сценария может в перспективе привести к принципиальному изменению военно-политической ситуации в Средиземноморье.

У него, впрочем, есть и свои ограничители. Статус Турции как члена НАТО в совокупности с противоречиями между Москвой и Анкарой по другим трекам не позволяют двум странам довести двусторонние отношения

до уровня стратегического партнёрства. Одновременно многочисленные слухи о создании российских военных баз в Судане, Египте и Ливии, хотя и базируются в некоторых случаях на реальных договорённостях, пока остаются слухами, зачастую используемыми в медиапространстве как союзниками Москвы, так и её оппонентами. Внутренняя хрупкость государств-партнёров оказывается серьёзным сдерживающим фактором для реализации подобных проектов.

Фокусировка на проблемах безопасности во внешней политике и превращение безопасности в своеобразный элемент российского экспорта, всё более востребованный во всё менее безопасном мире, стимулируют поиск путей преодоления этих препятствий.

Российская политика на Ближнем Востоке подвергается постоянной проверке. Так, под влиянием быстро меняющихся событий, спровоцированных не всегда продуманными действиями других участников, сегодняшние военно-политические успехи Москвы могут рассматриваться как результат чрезмерной вовлеченности со всеми вытекающими последствиями. Ближний Восток всегда был своего рода разрушителем репутаций: внутренние игроки пытались заставить своих внешних партнёров играть по собственным правилам и тем самым нередко обесценивали и выхолащивали политику ведущих держав. Понимая это, Россия не только дистанцируется от чрезмерных дружеских объятий, но и разрабатывает ясную и относительно легко осуществимую стратегию выхода. Она не означает ни разрыва привычных связей, ни отказа от взаимовыгодных контрактов, но предусматривает «красные линии», за которые не следует заходить игрокам, исполняющим собственные партии на фоне мощной симфонии её многовекторной политики.

В то же время и глобальным силам не стоит смешивать разные жанры, ассоциируя с Россией чужие, к тому же недоказанные грехи. Опасность не в возвращении к периоду холодной войны, но в появлении нового формата взаимодействия, лишённого сдержек, не позволявших в своё время глобальным державам скатиться к прямому военному столкновению в регионе. Альтернативой является поиск совместных подходов к дальнейшему политическому и социально-экономическому развитию Ближнего Востока, в процессе которого наконец замолчат пушки, а местные силы перейдут к поиску более благозвучной мелодии.